

*Секреты
женского счастья*

П Р О З А

Веры Колочковой

В Е Р А
Калачкова

Вера, Надежда,
ЛЮБОВЬ

Р О М А Н

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Художественное оформление серии
Н. Каштыкина

Колочкова, Вера.
К61 Вера, Надежда, Любовь : роман / Вера
Колочкова. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-192639-7

Мишель, Сашка и Машка привыкли, что все в их доме крутится вокруг мамы — ведь она самая красивая, самая молодая, самая утонченная. И вдруг папа, который всю жизнь был верным и преданным, ушел от нее к толстой деревенской девке. Мир рухнул, но вместе с тем к девочкам пришло сомнение: а любит ли их мать? Как жить трем сестрам с этой мыслью? На чью сторону встать — на сторону оступившегося отца, беззаветно служившего семье, или на сторону матери, которая, как оказалось, беззаветно служила только себе? И есть ли у них возможность своей дочерней любовью склеить развалившуюся семью?

Ранее издавалось под названием «Красивые мамы дочек не любят».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-192639-7

© Колочкова В., 2025
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ

Какой замечательный шел дождь! Будто кто-то на небесах дернул за веревочку, открывая неведомую преграду, и сплошным потоком обрушился на землю благодатный июньский ливень, отчаянный и шумный, безжалостно ломающий тонкие стебли цветов и наполняющий душу радостью дачного летнего бытия. В такой дождь чувствуется движение жизни. Конечно же, обманное. Сейчас, сейчас он закончится и обязательно произойдет что-то очень хорошее. Знаменательное. Значительное. Или просто перемены какие-нибудь. А пока можно стоять и смотреть, как тяжелые капли норовят залететь на веранду, подбираясь все ближе и ближе. Как весело разбиваются у ног, обдавая их мелкими колючими брызгами.

Запахло горелым. Маша нехотя оторвалась от созерцания разбушевавшейся не на шутку водной стихии, вернулась на кухню. Так и есть, котлеты можно выбрасывать. Подгорели. Придется снова размораживать фарш, лепить новые. Тем более времени у нее — навалом. Все еще спят после вчерашних посиделок с шашлыками, вы-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

пивкой да обязательным ночным купанием в теплой мелкой речушке. И неизвестно, сколько еще проспят.

Вот всегда так! Они, значит, дрыхнут, а она должна мыть вчерашнюю посуду и готовить обед. А все потому, что алкоголя терпеть не может. Не умеет она, как Инна, красиво раскрепощаться, блестя глазами, громко хохотать над своими же злыми и циничными шутками, направленными чаще всего в ее, Машину, сторону... Нет, где справедливость, а? Почему ясная голова за похмельную отвечает? Почему ей приходится ждать, когда изволят проснуться Инна с Арсением, хозяева дачи, и ее муж Семен? Половина воскресного дня как в воду канула, скоро уже и домой собираться пора. Завтра ж на работу...

Она так вчера и не осмелилась спросить у Арсения, что с ним происходит в последнее время. За весь вечер он не сказал и двух слов. Морщась, пил водку через силу, выплескивая остатки в траву, смотрел на Инну тяжелым осатанелым взглядом, курил одну сигарету за другой. Что у него могло случиться? Дела на его фирме вроде идут нормально. Она-то уж точно знает. Недаром проработала у него юристом больше пятнадцати лет. И не столько юристом, сколько правой рукой, доверенным лицом, другом и советчиком. А по совместительству еще и службу лучшей подруги его жены исполняла. А что, иначе и не скажешь.

Вера, Надежда, Любовь

Именно — службу. Просто так дружить с капризной и самоуверенной Инной трудно, наверное. Служить — это вернее будет.

А с Арсением и впрямь что-то неладное творится... Неужели все-таки влюбила его в себя эта юная стерва Алена, новая секретарша, длинноногая короткоюбочная блондинка? Да нет, это было бы уж слишком пошло. Арсений не такой...

От скрипа разошедшихся ступеней Маша вздрогнула и обернулась. По лестнице тяжело спускался Семен, осторожно глядя под ноги, отвратительно громко скребя ногтями рыжую грудь. Удивительно, как это в человеке все может быть таким рыжим: и волосы, и кожа, сплошь покрытая веснушками, и ресницы, и даже цвет глаз — все было абсолютно рыжим, без единого бледного просвета. Даже трусы на нем были светло-коричневые, некрасиво съехавшие вниз с уже довольно выпуклого брюшка. Маша передернула плечами, снова принялась шинковать капусту для салата. «Вот, с мысли сбил... О чем же я думала? Ах да, о новой секретарше...»

— Маш, может, домой поедем? — предложил Семен. — Варька там одна.

— Ну и хорошо, что одна! — отмахнулась Маша. — Сидит, к экзамену готовится! Мы ей только мешать будем. Вечером поедем...

— Поедем, Маш! Надоело мне уже тут. И Сенька вчера злой сидел весь вечер... А может, он на нас злится?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Какой он тебе Сенька? Его вообще так никто не называет!

— Ну, если он меня Семкой зовет, то почему он не Сенька? — вспыхнул Семен. — Тоже мне, развели иерархию. Арсений — значит Сенька! И почему ты опять на кухне торчишь? В конце концов, это мы здесь гости, а не они! Пусть твоя подружка поднимет хоть раз свою задницу да делает что-нибудь сама!

— Сема, прекрати! — попыталась урезонить мужа Маша. — Я знаю, что делаю! Не зли меня! Скажи лучше, есть будешь?

— Да я-то что, мне ж за тебя обидно... — покладисто пробурчал муж.

После чего вышел на веранду, постоял, раскинув руки в стороны. Сладко и с хрустом потянулся.

— Красота-то какая! Дождь прошел, клев хороший будет... Маш, я на речку! Ты не знаешь, где у Сеньки удочки?

— Иди-иди... — махнула рукой Маша. — В сарае какие-то удочки были, посмотри... И не смей называть его Сенькой, слышишь?

Ну что ж, вот и обед готов. Маша поставила в холодильник заправленный маслом салат, сняла с плиты сковороду с новыми котлетами. Выйдя на веранду, увидела подъехавшую к воротам красную Ленкину «девятку», пошла навстречу по мокрой траве. Вот и накормить есть кого...

С Ленкой Найденовой Маша дружила уже двадцать лет, с тех самых пор, как поселилась

Вера, Надежда, Любовь

с ней в одной комнате общежития юридического института. Господи, какими смешными они тогда были... Она, Маша, классическая провинциалка, по-деревенски неуклюжая, с мышинным серым хвостиком стянутых аптекарской резинкой волос, и Ленка, детдомовский ребенок, вечно голодная, настороженная, готовая к стремительному нападению на любого обидчика, своего ли, Машиного ли — все равно. Потом довольно-таки странным образом в эту дружбу занесло и Инну Ларионову, самую красивую девочку на их курсе. Инна жила тогда с папой и мамой в хорошей городской квартире, была единственным и любимым ребенком, никогда ни в чем не знающим отказа. Она и в юридический-то захотела так, от фонаря, начитавшись детективов, и поступила по блату, по папиному звонку в отличие от Маши и Ленки, которым пришлось ой как поднапрячься, чтобы набрать проходной балл. Это сейчас юридического факультета не организывает только ленивый декан любого вуза, а тогда, двадцать лет назад, он давался либо упорным, либо родившимся, как Инна, с серебряной ложкой во рту.

— Привет, Мышь... — Ленка, чуть приобняв, прижалась щекой к Маше, изобразив красиво накрашенными губами поцелуй. — Как вы тут без меня? Ларионова, наверное, опять напилась как свинья? Обижала тебя, Мышонок?

— Да ладно... — отмахнулась Маша. — Рассказывай, как свидание-то прошло?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Погоди, давай Инку разбудим. Чего ж я буду два раза про одно и то же?

Пока Маша раскладывала по тарелкам салат и котлеты, Ленка, подталкивая в спину, спустила по лестнице хнычущую Инну, лохматую и бледную, в элегантной шелковой цвета теплых сливок пижаме, слегка подпорченной пятнами от не смытой вчера с лица косметики.

— Мышь, чаю крепкого сделай... — капризно не то попросила, не то приказала Инна. — Ой, как мне плохо... Ленка, ну зачем ты меня разбудила!

— А хватит дрыхнуть! Пить меньше надо! У подружки судьба решается, прояви участие! И вообще ты здесь хозяйка или Мышонок? Не гоже больше гостей напиваться-то...

— Да отстань! Мышь и без меня все сделает... Чего ты ко мне привязалась? Давай рассказывай лучше, чего у тебя там... Стоящий хоть мужик?

— Да черт его знает... — задумчиво начала Ленка, принимаясь за салат, — ничего вроде, только скучный очень! Вот объясните мне, девочки, почему так происходит? Вроде и не урод, и не дурак, и интеллектом не обижен, а пообщаешься, и такое чувство, будто ты овсянки без соли и сахара объелась! Тоска...

— Мышь, ну чай будет или нет, в конце концов?.. Я ведь умру сейчас! — капризно запричитала Инна, глядя в потолок. Откинув назад шикарные белые локоны, сердито замолчала, всем

Вера, Надежда, Любовь

своим видом показывая, как трудно дается ей это утреннее насилие над организмом, которому положено еще спать да спать, перерабатывая остатки злого похмелья. Потом, развернувшись всем корпусом к Лене, многозначительно произнесла: — А что? Овсянка, между прочим, штука полезная... Желудок здоровее будет. Да и вообще... Вот ты поживи-ка с моим Арсюшей каждый день, понервничай с мое! Это тебе не овсянка, а скорее сырокопченая колбаса! Очень вкусно, когда ешь, а потом кишки в трубочку сворачиваются... Нет, Ленка, овсянка — это очень даже неплохо! Правда, Мышь?

— Я не знаю...

— А чего это ты не знаешь? Твой Сема, между прочим, — классическая овсянка! Ну, может, с хреном и перцем, а по сути — преснятина...

— Нет, Сема не овсянка! — тихо произнесла Маша. Так тихо, что никто ее и не услышал.

Ленка, уплетая уже третью котлету и обращаясь в основном к Инне, торопливо рассказывала:

— Вы же знаете, у меня на сегодняшний день только два претендента на руку и сердце. Хотя вернее будет так: на сердце претендует вчерашний, который Овсянка. Господи, девки, из него ж любые веревки вить можно! Будет носки стирать и воду пить! Но каша есть каша, на третий день от одного вида затошнит... А другой — как ты, Инка, говоришь — чистая копченая колбаса! И вкусно, и вредно! И хочется,

ВЕРА КОЛОЧКОВА

и колется! Только вот сердце мое ему и на фиг не нужно!

— Ленк, а чередовать их никак нельзя? Неделя — копченая колбаса, неделя — желудок лечим, а?

— Инка, ты о чем? Я вообще-то замуж хочу, чтобы и в горе, как говорится, и в радости... Чтобы семья настоящая была, муж настоящий! Моя Катька вот-вот замуж выскочит, и останусь я одна... Да и вообще фамилию сменить надо! Не хочу быть Найденовой! У нас в детдоме много Найденовых было. Кого на вокзале нашли, кого на крыльцо подбросили. Меня, например, из пригородной электрички принесли... Я ж в нормальной семье никогда не жила, вот и не знаю, что лучше: тоскливая жизнь с овсянкой или как у тебя, Ларионова, — красивая, но с постоянным дискомфортом в эпигастральной области.

— Не знаю, не знаю... Я бы с Машкиным Семей и дня не прожила! — развернулась Инна к стоящей у окна Маше, держа обеими руками большую красную кружку с зеленым чаем. — Мышь, а тебе не противно, а? У него ж вся кожа в веснушках...

Маша молчала, смотрела куда-то вдаль, поверх высокого забора, внимательно разглядывая кусок ярко-голубого неба, ограниченного пределами кухонного окна. Потом повернулась к Ленке, тихо сказала, улыбаясь:

Вера, Надежда, Любовь

— Ленусь, а ты нас познакомь... И с Овсянкой, и с Колбасой, по очереди. Вот тогда и по советуемся!

— Слушай, а это идея! Молодец, Мышонок!

— Все, договорились! — тут же подхватила Инна. — В следующий выходной вези сюда претендента! Кому первому будем смотрины устраивать? Я лично предпочитаю колбасу, и чем сырокопченее, тем лучше.

— Нет, девочки! В следующий выходной мы троим едем в деревню к Овсянке, он временно там с мамой живет. Вы, конечно, в наши планы не входите, но я скажу, что вы мои бедные родственницы, хотите в бане с мылом помыться...

Инна расхохоталась громко, с удовольствием, откинув назад красивую голову. Маша лишь улыбнулась сдержанно, опять отвернувшись к окну. Ленка подобрала с тарелки хлебным мякишем последние крошечки, поглаживая себя по животу, задумчиво посмотрела на большую сковородку с котлетами. Потом решительно отодвинула тарелку, встала из-за стола.

— Все, пошли купаться! После дождя вода теплая, мягкая, для кожи полезная!

— Ну ты ж еще не Овсянкина жена, чтобы о пользе думать!

— Ларионова, не рассуждать! Иди купальник надевай! Мышонок, ты идешь?

— Нет, я посуду помою...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Инка, тебе не стыдно? — уже от двери обернулась Лена к Инне. — Она что, у тебя здесь горничной служит? Или кухаркой?

— Да ладно тебе, Лен... — скривила ухмылкой губы Инна, глядя в Машину спину. — Ты же нашу Мышь знаешь. Пока она своего начальника не накормит, с места не сдвинется! Тоже мне, преданный юрисконсульт Арсения Ларионова... И на службе, и в быту... Служи, Мышонок, служи!

Маша грустно провожала их глазами, пока они шли по двору, потом помахала рукой обернувшейся от ворот Ленке.

«Служи, Мышонок, служи...»

Она и служит, вот уже двадцать лет как служит! С того самого дня, как Инка впервые привела к ним в общагу своего жениха Арсюшу, высокого улыбчивого парня с яркими серо-голубыми глазами, пронзительными и завораживающими. Странное что-то случилось с Машей в тот вечер их первого знакомства. Даже и влюбленностью это нельзя было назвать. Скорее гипноз какой-то, ступор, полная блокировка сознания. В присутствии этого парня она терялась совершенно, сама себе казалась похожей на желе, не управляла ни мыслями, ни собственными желаниями, не видела, не замечала никого вокруг... А без него просто умирала. Он полностью проник в ее суть, занял собой все ее личное человеческое пространство. Потребность видеть его, слышать его голос со временем превратилась в зависимость

Вера, Надежда, Любовь

сродни алкогольной или, хуже того, наркотической. Нет, она вовсе ни на что не претендовала. Как можно было — рядом с красавицей Инной? Даже зависти-ревности не испытывала. Была ли это любовь? Да, наверное, это была любовь. Такая вот. Добровольно безответная. Ничего она с собой не могла сделать. Пробовала, конечно, освободиться, и даже замуж за Семена вышла, и Варьку родила...

А теперь что? Теперь приходится Иннину с ней бесцеремонность героически терпеть. Куда ж денешься? Приходится называться подругой, хотя никакой дружбой тут никогда и не пахло.

Тогда, двадцать лет назад, перепуганную насмерть Инну привела к ним в общежитскую комнату Ленка, отбив ее у компании сильно подвыпивших пятикурсников. Ночью, проходя по длинному коридору, услышала за одной из закрытых дверей возню, сопровождающуюся истерическими женскими криками, и, не раздумывая, с размаху вышибла ногой дверь, ворвалась вихрем, как заправская героиня крутого боевика, ничего не видя вокруг себя, работая отчаянно кулаками. И потом тоже все было как в кино: и восхищение спасенной от позора Инны, и пожизненная благодарность ее родителей, не без помощи которых детдомовке Ленке удалось попасть в коллегия адвокатов, и ужас протрезвевших пятикурсников... С тех пор и началась эта странная дружба: Ленка с удовольствием общалась с ними обеими, Маша